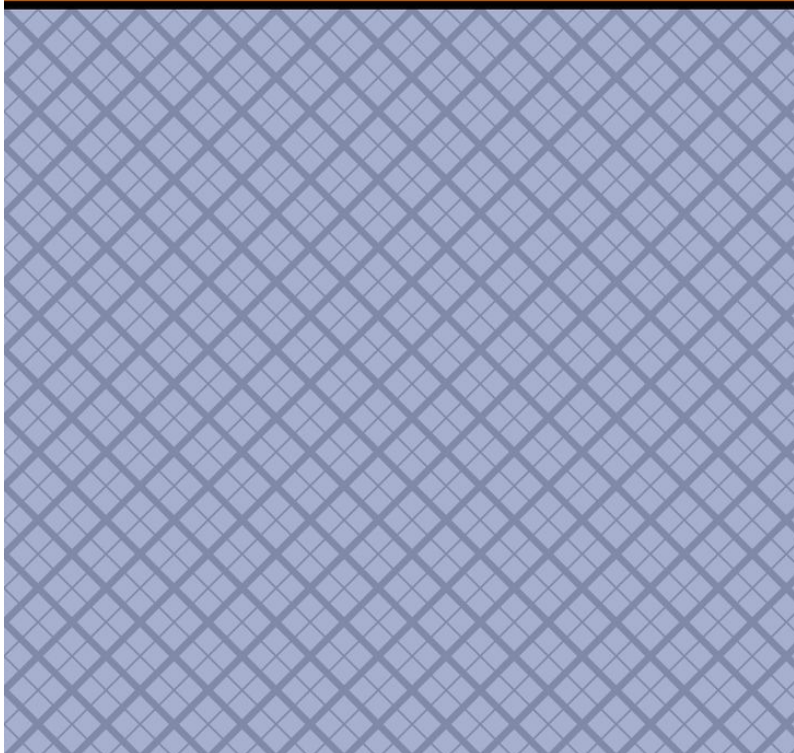

18+

ВАЛЕНТИН ПАМПУРА

Небольшие истории

Валентин Пампура

Небольшие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789333

ISBN 9785449803818

Аннотация

Надеюсь, читая мои рассказы, вы находите в них что-то нужное для себя. И, быть может, они также живут внутри вас и развиваются. А теннисный мяч – это всего лишь отправная точка. Билет на корабль, который отправляется в созданный мной мир. Поспешите занять свои места.

Содержание

Фил	5
Крапа	9
Теннисный мяч	11
Дыра	13
Авокадо	18
Пианино	20
Яблоко	23
Сторона жизни	24
Как я стал врачом	27
Знание жизни	43
Колокол	46
Пожар	49
Черная кровь	52
Судьба	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Небольшие истории

Валентин Пампура

© Валентин Пампура, 2020

ISBN 978-5-4498-0381-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фил

Огромное белое полотно висело посреди двора. Абсолютно белое, не имеющее ни точки, ни черточки. Ни чего за что мог бы зацепиться взгляд. Сознание растворялось в нем. Оказываясь в мире, где нет ни чего конкретного. Там, где сущности не имеют явных очертаний. Там, где нет никакой временной последовательности. Там, где может существовать только не существующее.

– А ну отойди от белья. – В окно высунулась баба с вполне конкретными округлыми очертаниями.

– Я ничего не делаю, я только смотрю – Сказал щуплый нескладный мальчик в больших очках с толстыми стеклами.

– Я тебе посмотрю. Сейчас спущусь, и съезжу тебе мокрой тряпкой по шее, будешь знать. А ну пошел от белья.

Он съежился, представив мокрую тряпку, и пошел в другой конец двора.

– Фил – Крикнул ему соседский мальчишка – Давай побегаем.

– Не могу у меня зрение слабое.

– Ну и дурак. Жил да был Слепой Фил

Он штаны надеть забыл.

Мальчишка убежал, а Фил уставился на маленький ро-

сток, пробивающий себе дорогу к солнцу. Крошечный, хрупкий он разломал толстый слой асфальта, обогнул бетонный поребрик и устремился в небо, раскрывая ему на встречу свои нежные лепестки.

– Фил. – Это была она всегда прекрасная и не достигаемая. Легкая как пух стремительная как ласточка в полете. Она всегда была для него верхом совершенства. Он наблюдал за ней издали, но никогда не решался подойти, и заговорить. А сейчас она сама подошла к нему и заговорила своим тонким и нежным голосом – Фи-и-ил ты меня слышишь?

– Да, прости, я задумался.

– Странное у тебя имя.

– Это не мое имя. Меня зовут Филимон. А Филом мальчишки во дворе прозвали. Что бы короче было.

– Понятно. А почему ты не играешь со всеми?

– Не могу у меня зрение слабое.

– Понятно. А что ты тут делаешь

– Вот смотри. – И Фил показал ей маленький росток.

– Ой, какой красивый, можно я возьму его себе – И, не дождавшись ответа, она вырвала его с корнем.

– Катька иди к нам – Крикнул соседский мальчишка.

– Иду – И она побежала туда, куда Фил пойти не мог.

Он стоял и смотрел, на вывернутую землю и думал, сколько нужно было преодолеть маленькому ростку, чтобы увидеть солнце. И как мало понадобилось, для того, чтобы про-

сто вырвать его с корнем. Он перенес бы это гораздо легче, если бы это сделал соседский мальчишка. Но это сделала она. Та, что была для него идеалом.

Он шел по двору погруженный в свои мысли пока опять не наткнулся на белое полотно. Только теперь на нем была черная пятерня соседского мальчишки. Фил застыл глядя на черные очертания ладони на белом полотне. Это было как начало чего-то нового. Зарождения новой жизни еще не изведанной, но уже волнующей своей непредсказуемостью.

В эту самую минуту, когда перед Филом уже разворачивалась картина создания новой вселенной, мокрая тряпка отпечатала свой след на шее и спине Фила. Очки слетели, тряпка продолжала хлестать. А Фил никак не мог понять, что происходит.

- Беги – Услышал он – Беги Фил – Кричала ему Катя.
- Беги дурак – Надрывался соседский мальчишка.

И Фил побежал. Он бежал, не разбирая дороги. Ничего не видя перед собой. Он бежал не чувствуя земли под ногами. Казалось, что он не бежит, а летит как птица. И счастье заполняло его. Как заполняет птенца, когда он впервые поднимается в небо.

–

Он бежал, пока огромное раскидистое дерево не стало

на его пути. Ударившись о, него с размаху он упал, как падает подстреленная птица.

Следующие семь дней Фил провел в постели. Доктор диагностировал большую гематому на лбу Фила и легкое сотрясение. Он лежал и думал о том, что же такое сотрясение и как оно влияет на человека. Он думал бы о нем еще больше и обязательно пришел бы к очень важному выводу, если бы не муха с большими лиловыми глазами, что села к нему на одеяло и уставилась прямо на него.

Крапа

Доски лежали аккуратно сложенные одна на другой у сарая. Почерневшие от сырости и покрытые мхом они выглядывали из зарослей крапивы. Старый сарай, сложенный из круглых бревен так же почернел от времени и воды. Он глядел распахнутыми воротами на стог желтого душистого сена. Сложенного и прикрытого тремя жердями. Желтая солома стелилась до самого сарая и исчезала в его глубине. Там в темноте сквозь крышу просачивался солнечный свет, опускаясь световыми столбиками до самой земли. Воздух был теплым. Стоял запах сена и навоза. В углу фыркающая и отмахиваясь от мух, стояла серая в маленькую крапинку лошадь ее так, и звали Крапа. Крапа была добрая и покладистая лошадка нрав имела ровный. Но иногда на нее находило, как говорил дед. И тогда она становилась не управляемой. А происходила это когда где, то начинала звучать классическая музыка. Любая другая музыка, Крапу, ни волновала. Но стоило Крапе услышать классику, как она, наострив уши, начинала кружиться в медленном вальсе, снося все на своем пути. Вот и сегодня дожевывая утреннюю порцию сена Крапа, вдруг повела ушами, фыркнула, потянулась своей мордой к выходу и пошла навстречу венскому вальсу, летящему из приемника ничего не подозревавшей дачницы. Крапа кружась и приседая на раз, два, три, вышла из сарая и, пока-

чиваясь в ритме вальса, пошла к дачнице. По пути она снесла весящее белье и, окрутившись разноцветными полотнами, продолжала кружиться, приближаясь к дачнице. Глаза, которой уже стали округляться, а лицо вытягиваться, видядвигающийся прямо на нее ворох разноцветного белья. Еще не много и Крапа бы снесла дачницу, но тут вальс закончился, Крапа поклонилась, сделала реверанс и пошла на луг, поросший свежей травой. А дачницу потом долго отпаивали чаем с травами.

Дед рассказывал, что до того как он купил Крапу, она служила в цирке. Но по возрасту ее списали и выставили на торги. Так Крапа и попала к нам.

Теннисный мяч

Маленький теннисный мяч, целиком помещался в моей ладони. Он был мягкий и теплый как земной шар, покрытый лесами и травами. Я держал его в своей руке и думал. Что могу убрать его в карман, и он погрузиться во тьму. А могу запустить его, что есть силы и он полетит, разрезая пространство, описывая полукруг, как планета, совершающая свой путь среди звезд. Я смотрел на него и думал, какие существа населяют его. Как они живут, о чем думают? Берегут ли они свой мир, или, так же как и мы пытаемся разрушить его. Не понимая, что другого такого дома для них нет во всей вселенной. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня растет чувство любви к нему. Чувство уважения и восхищения к его обитателям. Они возможно живут своей жизнью и не догадываются о моем существовании. И возможно очень счастливы. Как и мы на своей планете. Нет теперь я не стану убирать его в карман. Он лежит на моем столе и на него весь день падает солнечный свет. А когда опускается ночь, я включаю настольную лампу и прежде чем начну писать, смотрю на него и думаю как там его жители? Легли ли они спать, или мечтают под желтой луной, моей настольной лампы.

Вам смешно? Конечно, смешно. Взрослый человек, а я без сомнения взрослый, разговаривает с теннисным мячом и его

воображаемыми жителями. Но я с вами не соглашусь. Ведь благодаря ему я создал в своем воображении новый мир. Он растет и развивается. Совершает ошибки. Делает открытия. Любит, и ненавидит, себе подобных. Согласитесь, как это похоже на нас. И сколько нового и полезного я беру оттуда и передаю вам. И надеюсь, читая мои рассказы, вы находите в них, что то нужное для себя. И быть может, они так же живут внутри вас и развиваются. А теннисный мяч это всего лишь отправная точка. Билет на корабль, который отправляется в созданный мной мир. Поспешите занять свои места.

Дыра

Дворник Евсей. Так усердно мёл свою часть земного шара, что протёр сквозную дыру в нём. И всё было бы ничего, если бы эта дыра вышла бы где-нибудь в Конго или Намибии, но ведь она зараза вышла в самом не подходящем месте. А именно в соединенных штатах Америке. А если быть точнее, то в Нью-Орке. А если ещё точнее, то её выход пришёлся в самом белом доме, вернее в его Овальном кабинете. Ох и поднялась тут шумиха, что не в сказке сказать, ни пером описать. Забегали тут госсекретари, сенаторы, конгрессмены, генералы подтянулись, стали спорить и решать, как такое могло произойти и, что с этим делать. Ну, естественно каждая служба друг на дружку пеняет. Вот, дескать, дыра эта, извне проделана, значит и отвечает за это «ЦРУ» – А те говорят – Нет, так как дыра находится непосредственно в белом доме. А значит это дело под ведомством «ФБР» Так как за всё, что твориться внутри страны, отвечает внутренняя разведка. Военные кричат, увеличьте нам финансирование, и мы сделаем такую бомбу, которая сможет сквозь эту дыру пролететь и всё на той стороне земного шара уничтожить. В общем, такое началось, что и не придумаешь нарочно. Демократы набросились на республиканцев, республиканцы на демократов. Пошли взаимные оскорбления, и обвинения. Вскрылось такое, что и сказать стыдно. Стало известно, кто

с кем спит. Кто как по малому ходит. А кто не ходит вообще, и всё в себе держит до первых дебатов в конгрессе. Репортёров налетело, туча. Пишут, снимают, строчат. В Голливуде уже вручают Оскара за лучший фильм о дыре, в самом сердце Америки. Вся страна была заполнена красочными билбордингами, на которых сердце Америки пробито насквозь лапой дикого, русского медведя. Дошло и до президента.

– Дыра?

– Да господин президент.

– Где дыра?

– В овальном кабинете, господин президент.

– Как дыра?

– Не можем знать господин президент. Но, то, что это дыра, господин президент, то это подтверждённый факт вот – И он показал президенту вырезку из утренней газеты. Где было черным по белому написано «Дыра в овальном кабинете» – Удивительный факт – Сказал господин президент. А те недолго думая, подвели, значит, господина президента к дыре и показали, как говоритья воочию.

– Да-а-а, – Задумался господин президент – Действительна дыра – И почесал себе затылок – А что по этому поводу думает ФБР.

– Господин президент, в связи с инцидентом уже арестованы, Тридцать три мексиканца, пятеро Филиппин, один ма-

лазиец и...

– А где в вашем списке русские.

– Видите ли, господин президент, в связи с санкциями, мы больше не даём визы русским, и они физически не могут сюда приехать. Потому мы и не смогли арестовать ни одного русского.

– Разрешите господин президент. Эти ребята из ФБР могут только следить за проститутками в отелях. Когда мы делаем настоящую работу. Мы установили того, кто нарушил целостность Америки. Это некий Евсей.

– Как вы это узнали?

– Это был результат высоко технологичной операции проведённой службой ЦРУ. Прошу вас пройдите ближе к дыре, мы сейчас продемонстрируем вам это в реальном времени – Глава ЦРУ стал у края дыры и прокричал – Есть кто? – Кто, кто, кто, – Понесло эхо слово, посланное главой ЦРУ – Евсей, эй, эй, эй донеслось оттуда – Вот видите, господин президент, мы умеем работать, в отличие от ребят из ФБР.

– Хорошо, почему он до сих пор не арестован. Видите ли, господин президент, мы послали ему визу с приглашением посетить США, но его зарплата слишком мала, что бы он смог добраться до Америки.

– И...

– Мы выдвинули Евсея на нобелевскую премию за соединение, так сказать, двух континентов путём дыры протёртой им в земном шаре. И когда он прилетел. Мы ввели против

него персональные санкции. Заблокировав визу ранее выданную Евсею. За нарушение целостности Америки.

– Гениально. Вот достойный ответ всякому кто посягнёт на нашу страну. Да, но, что же делать с дырой?

– Господин, президент – Начал глава пентагона – Увеличьте нам финансирование и мы сделаем такую бомбу, которая положит конец этим проклятым русским.

– Очень заманчивое предложение – Почесал затылок господин президент – Но если б дыра выходила куда-нибудь на ближней восток. Поближе к нефтяным месторождениям, я бы не задумываясь, дал разрешение на такую бомбу. Но ведь она выходит в державу, у которой может оказаться не одна такая бомба, а может быть и того хуже. Нет, этого я разрешить ни как не могу, а вот финансирование мы повысим.

А тем временем вся эта возня за океаном дошла и до президента России. Что, мол, дескать, какой то дворник протёр дыру в земном шаре, путём безалаберного отношения к своим обязанностям. И чуть было не спровоцировал тем самым международный конфликт, вынудив МИД улаживать, сей не приятный инцидент. Одним словом, дворник был лишён премии. Получил строгий выговор с занесением в личное дело. И был вынужден за свой счёт заделать ту самую злополучную дыру.

Евсей недолго думая забросал дыру старой листвой, мусором и прочей дрянью, какой много валяется на просторах нашей страны. Одним словом инцидент был исчерпан. Вскоре о нём все забыли. Так как в мире загорелся новый скандал. Некий рабочий на ближнем востоке, где то между Сирией и Ираном бурил землю и случайно попал в Соединённые штаты Америки. Ту уж президент великой страны был вынужден действовать безотлагательно. Закрутились колёсики, забегали конгрессмены, сенаторы и госсекретари. Зашумели военные, зашевелились службы разведки, и заработал печатный станок. Так как на святое дело нужны были деньги. А без них ни бомбу не сделать, ни организацию объединённых наций на нужный лад не настроить, ни кино не снять. О том, как злые террористы пробурили дыру в Америку и хотят сквозь неё пустить туда опасный газ. Попав под воздействие, которого люди начинают умирать. Что не очень то, хорошо. При нынешнем развитии политики.

Авокадо

Офис. В офисе двое. Стук пальцев по клавиатуре. Из кафе на первом этаже в открытое окно влетает запах готовящейся обеда. Один из них перестаёт стучать, втягивает носом воздух и смотрит на часы. До обеда ещё час с лишнем.

– Чёрт, этот запах, совершенно невозможно сосредоточиться.

– Да, – Бросает работу второй – Просто голова кругом идёт от таких ароматов.

– Я бы сейчас, выпил, да покушал. Да так покушал, что бы в животе ангелы запели.

– Да, хорошо бы сейчас червячка заморить. Картошечки жаренной с мяском.

– И ещё бы туда грибочков так это с лучком покрошить. Что б это, взял его на вилочку, а он такой аромат издаёт, что мама не горюй.

– А если ещё туда сметанки домашней.

– И всё это на сальце поджарить, так потихоньку, на малом огне, что б румянилась.

– Господи да под водочку, под холодненькую.

– Да огурчиком её родимую солёным. Хрум, хрум, хрум. Ой, ё...

– А если ещё авокадо...

– Какой ещё авокадо?

– Ну, это, зелёный такой мягонький.

– При чём тут авокадо. У нас картошка, жаренная с грибами. Куда авокадо.

– Ну, я это, люблю авокадо.

– Ну и люби, чего ж его в картошку с салом пихать.

– Я, это так просто, не к картошке было сказано.

– Что просто? Ты понимаешь, что весь аппетит мне испортил своим авокадо.

– Так, я это, я думал.

– Меньше бы ты думал, работай, давай. До обеда ещё час.

Пианино

– Давай, поднажми, ещё чуть, чуть, аккуратнее, не попорть – Четверо грузчиков поднимали по лестнице пианино. Пианино было старое и не влезало в лифт. Они несли его по лестнице, останавливаясь на небольшие перекуры.

– Я когда ещё пацаном был, меня на музыку отдали, шесть лет по классу фортепьяно отучился. Потом в училище три года. Пока не бросил. С тех пор терпеть не могу музыку.

– Держи ровней, не расслабляйся. Как сейчас помню...

– Ну, ну, не вали. Ровней держи.

– Так вот, вся ребятня во дворе гуляет, а я сижу за пианино и гаммы долблю. Как же они мне тогда осточертели. Верите до сих пор сняться.

– Стоп, какой этаж?

– Четвёртый.

– Сколько ещё?

– На восьмой нам.

– Япона мать. Не могли скрипку купить. На восьмом то этаже.

– Так вот снится мне, что я стою, а у меня под ногами клавиши. Белые и чёрные. И только я делаю шаг, а они звучат. И ведь какая штука. Я шагаю, а из-под ног, гаммы вылетают. Вылетают, это значит, и выются вокруг меня. Я бежать, а они за мной. И не скрыться мне от них никуда. Верите,

просыпался в холодном поту. Так меня эта музыка достала.

– Сколько ещё?

– Два пролёта.

– Так вот столько лет меня эта музыка мучила. А теперь ещё и наверх её тащи.

– Да, судьба.

– Шабаш. Звони.

Они звонят в дверь. Но никто не спешит открывать.

– Может, нет никого?

– Может, и нет.

– Так, ты значит у нас пианист?

– Паганини.

– Давай покажи нам, что можешь.

– Да я уже и забыл всё.

– Ладно, не ломайся, давай.

– Ну не знаю – Он открыл крышку. Чёрно-белые клавиши, разложенные в строгом порядке, смотрели на него.

– Ну... – Тонкие пальцы коснулись клавиш, и они задвигались, заполняя подъезд переливами. Он касался клавиш, а пальцы, словно проснувшись от глубокой спячки, летали над клавишами, и счастье наполняло его. Поднимая всё выше и выше, туда, где живёт сама музыка. Это продолжалось до тех пор, пока он не остановился. Тогда музыка смолкла и он заплакал. Он плакал тихо, закрыв лицо руками, и толь-

ко плечи вздрагивали в такт его тихим, всхлипываниям.

Яблоко

Это было крепкое сочное зеленое яблоко. Когда зубы входят в его плоть сок вырывается наружу и устремляется по языку к небу. Кисло – сладкий, бодрящий, яркий как вспышка фейерверка на темном небе. Он захватывает и притягивает к себе как поцелуй женщины как глоток свежей ключевой воды в жаркий изнуряющий день. Упругая мякоть рассыпается во рту, заполняя его свежим прохладным соком заставляя все вкусовые рецепторы отдаваться безудержной страсти утопать в этой вакханалии вкусовой джазовой импровизации. И вот испытав первый восторг вдохновения, ты стремишься ощутить его, снова и снова, поднимаясь все выше, и выше, к вершине блаженства. К нирване вкусовых ощущений. Но вот яблоко постепенно тает в твоей руке. Последние вспышки гаснут, и страсть захватившая тебя утихает. Какое то время ты сидишь неподвижно, не понимая, что же с тобой произошло. И только слабый металлический привкус напоминает тебе о былой страсти.

Сторона жизни

Земля была мягкой и теплой. Лопата входила, легко выбрасывая на поверхность жирные распадающиеся комки. Солнце светило ярко весенние деревья сверкали маленькими липкими листочками. Ошалелые от весеннего солнца носились воробьи. Все жило, дышало и бурлило в это утро. Было приятно ощущать, как лопата входит в мягкий жирный чернозем, оголяя корни деревьев и красных извивающихся червей. Мы закончили работу и сели на зеленый ковер, сотканный из тонких и теплых травинок. Мы наслаждались весной солнцем и выполненной работой увенчанной большой черной кучей земли возле аккуратно вырытой ямы.

Расслабленные приятной истомой мы смотрели на синее небо на бурлящую вокруг жизнь и чувствовали, как травяной ковер щекочет нам ладони. А потом пришла машина, это был старый грузовик с полустертыми номерами. Описав круг, он подошел задом вплотную к яме. Из него вышла женщина и направилась к нам. Подойдя к бригадиру, она отдала ему бумагу, он оглядел ее и кивнул нам на грузовик. Мы подошли к нему и открыли задний борт. Посреди кузова стоял грубо сколоченный деревянный гроб. Мы поднялись в кузов. В желтом едва отесанном ящике лежала старуха лет восьмидесяти с острыми заточенными скулами

с ввалившимися глазами и тонкой прозрачной кожей изрезанной мелкими морщинами. Ее восковые руки были аккуратно уложены на старое одеяло со штампом стардома. Снимайте, скомандовала приехавшая в грузовике женщина. Мы подняли гроб, и лицо старухи качнулось, руки вздрогнули. Мы поставили гроб рядом с ямой, и только теперь наша яма обрела зловещий смысл. Какое то время солнце еще скользило по безжизненному лицу, пока крышка не стала место. Стук молотков эхом разлетелся, вокруг, распугав воробьев. Он эхом пролетел над землей, и растаял в голубом небе. Гвозди легко вошли в свежую сосну, сверкая серебряными шляпками на солнце. Покачивая на ремнях, мы спустили его в яму. Потом женщина сказала – Пусть земля будет ей пухом – И бросила горсть земли. Все последовали ее примеру. Лопату за лопатой мы забрасывали землю в яму. Сначала она падала, гулко, ударяясь о дерево, а потом до нас доносился только звук рыхлой земли. Закидав яму и выровняв бугор, бригадир воткнул палку с номером захоронения. Потом женщина достала бутылку водки, и разлила всем по стаканам. Мы выпили. Женщина села в грузовик и уехала, а мы пошли по домам. Захмелевший я шел по цветущим улицам наполненными пением птиц и стрекотанием кузнечиков. И вдруг, от всего этого буйства жизни, от выпитого и увиденного, меня стало тошнить. Меня рвало прямо на обочину в свежую еще не тронутую временем траву. Боль гнула меня с каждым новым спазмом. Освобождая от всего лишнего.

Когда все закончилось, обессиленный и трясущийся мелкой дрожью, я вернулся домой. Не раздеваясь, я лег и уснул. Утром я нечего не помнил. На дворе, вставал новый день.

Как я стал врачом

Дачный поезд медленно подошёл к серой покрытой лиственной бетонной полосе и стал, так, будто силы его кончились, он дернулся и выдохнул в прозрачный осенний воздух запах угля горевшего в топке титана. Я был единственным кто вышел на этой станции.

– Добрый день. Вы Ершов, наш новый врач?

– Да.

– А я Бубенцов. Директор начальной школы. Мне поручили встретить вас и организовать ночлег.

– Очень приятно.

– Вы один?

– Да.

– Хорошо. Пойдемте в машину, здесь не далеко всего три километра.

Машина шла по гравейки. За окном тянулось поле жёлтой высохшей травы. Изредка попадались небольшие деревья. Всё вокруг было тихим и недвижимым. Как будто природа замерла перед грядущей зимой.

– Здесь не так грустно как кажется. Погодите, весной, когда всё расцветёт, будет совсем другая картина. Вы наверно

привыкли к городу к его так сказать дарам цивилизации.

– Нет, я не разбалован комфортом.

– Тогда вам у нас понравиться.

Мы подъехали к дому, выложенному из старого красного кирпича. Навстречу нам вышла женщина.

– Это моя жена, Алла. Знакомьтесь. Ершов...

– Евгений.

– Евгений Ершов наш новый врач.

– Очень приятно Алла учительница местной начальной школы, и по совместительству жена директора нашей начальной школы. Скажите Евгений, а вы по крышам лазить любите?

– По крышам...

– Она шутит. Проходите, располагайтесь. Сейчас будем ужинать.

Мы сидели за столом. В печи трещал уголь. Мне было тепло и хорошо с ними.

– Хорошо тут у вас уютно.

– Да это всё жена, её рук дело.

– Спасибо всё очень вкусно. (Гудок проходящего поезда)

Поезд гудит?

– Станция рядом, слышно.

– Беспокоит?

– Нет. Напротив. Я люблю поезда. Вот сейчас девятичасовой прошёл. Они тут не останавливаются, но гудят когда проходят. И потом в нашу тишь и размеренность они вносят жизнь, движение. Не дают совсем раствориться в этом тумане жизни. Я сам иногда, люблю ходить на станцию. Приду, сяду на перроне и смотрю, как они проносятся мимо. А за окошками вагонов, кипит жизнь, едут люди. У всех своя цель. Своя судьба. Но все они сидят в одном поезде и несутся куда-то мимо маленькой затерянной в бескрайних полях станции. И вы знаете, ведь, по сути, их вагон эта такая же маленькая, затерянная в пространстве станция, которая несётся неведомо откуда и куда. Вот так посижу и возвращаюсь домой наполненный мыслями, до самых краёв, чем-то новым, тем чего нет у нас.

– Это как в театр сходить.

– Да именно, хороший пример. Ну, а вы? Чем дышите. Что вас занесло в нашу глушь.

– Жажда деятельности, свершений, если хотите громкого слова.

– А в городе, что нет такой возможности?

– В городе? Город пропал. Он сварился в собственном соку. Люди обесценились, их интересуют только деньги и развлечения. Заработал и в клуб, ресторан или ещё куда хуже. Тоска. Люди с жиру бросаются в крайности. Всё доступно, любовь, развлечения, что душе угодно. А душе хочется чего то настоящего. Ей хочется чувствовать себя нужной. Вот

возьмите мою работу в городе. Сезонный грипп, ОРЗ и в обратном порядке. ОРЗ и гриб. А между ними старушки, которым скучно сидеть дома, вот они и ходят по поликлиникам. Скучно. А здесь свобода, простор, настоящие люди, живые, не поддельные, какие есть.

– Да, какие есть. И ничего с этим не поделаешь. Давайте-ка выпьем. (Выпивают)

– А вы к нам надолго?

– Настолько, насколько потребует мой долг врача.

– Это хорошо. А то прежний доктор, Был у нас философ. На жизнь смотрел созерцательно. «Болезни говорил он это естественный природный отбор. А медицина против природы это всё равно, что муравей против асфальтоукладчика» Он не лечил, а отправлял в район.

– А что Алла, в чём-то он был прав. Знаете в нашем краю не стать философом, созерцателем, человек с образованием просто не сможет.

– Да и созерцал всё больше...

– Так всё, об ушедших либо хорошее, либо ничего.

– А что с ним случилось?

– Сошёл с ума.

– Однажды ночью залез на крышу амбулатории и стал выть на луну.

– С пожарными его снимали.

– Да, а всему виной это дело...

– Думать надо было меньше, и всё бы было как у людей.

– Хомо сапиенс. И ничего тут не поделаешь. Впрочем, зимой тут, когда заметёт такая тоска, что хоть волком вой.

– А вы не женаты?

– Да недавно женился. Она приедет, когда обустроюсь.

– Не мучай гостя, он устал. Мы приготовили вам комнату, а завтра разберёмся с вашей квартирой и амбулаторией.

– Спасибо вам, признаться честно устал. А после такого ужина хочется только одного, укутаться в одеяло и забыться до утра.

– Ну, что ж не будем вам мешать. Ложитесь, отдыхайте. Спокойной ночи.

– И вам спокойной.

Я лёг, а в коридоре ещё некоторое время шептались. Потом всё смолкло, и я уснул сном праведного младенца.

Мой будущий читатель. Я решил, что как только займусь настоящим делом. Стану записывать всё, что касается жизни и трудовых будней сельского врача. Поскольку верю, что мой опыт будет полезен последующим поколениям сельских врачей.

Итак, в моём ведомстве шесть небольших деревень. Расположены они друг от друга в семи восьми километрах. Так, что помотаться между ними мне придётся. Что собственно меня воодушевляет, ибо сидячая работа не для меня. По-

селок, в котором находится амбулатория, небольшой, находится в трёх километрах от железнодорожной станции. Два раза в неделю сюда ходит дачный поезд. Есть машина в моём распоряжении, Это старая нива, но вполне в сноском состоянии. В осеннее время дороги здесь такие, что доехать до района нельзя даже на ниве. И потому в крайних случаях можно вызвать поезд, для транспортировки больного. Население малочисленное. Занимаются сельским хозяйством, охотой, животноводством. Есть школа, правда только начальное отделение и очень небольшое. Собственно говоря, пара, радушно приютившая меня на ночь, там и работает. Есть ещё небольшой клуб, и магазин. Из всех людей имеющих тут высшее образование это я, мои друзья Бубенцовы, пара учителей, да ещё руководитель поселкового совета.

Квартира у меня холостая, но хорошая, амбулатория рядом. В штате, врач и медсестра, она же и уборщица. Женщина двадцати восьми лет. Она не отличалась особой красотой, как мне тогда показалось, но аккуратная. Дело своё знает. Говорят, у предыдущего доктора был с ней роман. Слабо веритья, но о вкусах как говоритья не спорят. Впрочем, я об этом не задумывался. Дел было много, и дела были запущенны. Первое время люди приходили больше не по болезням, а познакомиться, да на нового доктора посмотреть.

– Доброго здоровья вам. Я Алексеич. Живу недалече. Так

вот думаю, дай зайду так сказать поздоровкаюсь – И Алексееч поставил на стол бутылку с мутной жидкостью.

– Это что? Анализы?

– Нет, доктор это за знакомство первачок. Ну, у нас так принято.

– Так, вот, что забирайте вы свой первачок и давайте отсюда.

– Шо, не пьёте. Вот дура, а я говорил своей бабе, шо, мол, человек интеллигентный, не пьёт, а ты ему первача. Ну, может тогда, так дадите.

– Что вам дать?

– Ну, так это не мне это бабе моей. Голова у ней болит. Ей бы, эта таблеток каких.

– А что она сама не пришла?

– Так у неё же это хозяйство, корова, цыплята некогда ей.

– Ладно, вот возьмите таблетку ибупрофена и в следующий раз пусть сама приходит.

– Так, и я ей то же говорил. Ну, бабу ж разве переубедишь. Ну ладно будь те здоровы. А может всё-таки за знакомство.

– Идите отсюда.

– Всё ухожу, а это я вам тут поставлю для дезинфекции, а то, как то не по-человечески...

– Я вам поставлю, забирайте и идите отсюда.

Потом вошла баба в цветастом платке и с большой корзиной в руках.

– Доброга, вам здоровычка.

– Здравствуйте. На что жалуетесь?

– Ой, горе у меня...

– Что случилось?

– Милая моя ненаглядная, заболела.

– Где она?

– Да где же ей быть дома конечно.

– Она, что сама не может ходить?

– Да бог с вами – И она перекрестилась – Ходит, слава

богу.

– Так что ж вы её не привели.

– А что надо было?

– Нет, я так не могу с вами. Ну, если заболела надо вести
я же её осмотреть должен.

– Так это я могу, я сейчас.

– Давайте ведите уже её.

– Я сейчас, я тут рядом. А это я вам тут поставлю – И она
поставила корзину.

– Что это?

– Яички свежие, сало, картошечка...

– Зачем?

– Ну, так это, за труд.

– Так забирайте свою корзину и ведите больную.

– Ага, я сейчас – Дверь скрипнула и она исчезла. Корзина
осталась стоять на полу.

Вошёл мужик, большой красный как рак. Комната наполнилась свежим перегаром. Он сел, стул скрипнул под ним. Кепка легла на колено.

– Доктор, давайте мне больничный с сохранением заработной платы.

– Что с вами?

– Заболел.

– Чем вы больны?

– У меня профессиональное выгорание.

– Что у вас?

– Выгорание на почве моей профессии.

– А кем вы работаете?

– В строй бригаде я на все руки мастер. Где подштукатурить, где забор поправить, а сегодня на ферме будем бетон заливать, а у меня на него аллергия.

– И давно у вас на бетон аллергия?

– Да вот со вчерашнего дня. Баньку куму подправил, опробовали мы её...

– И как банька?

– Отменная банька. Кажду косточку пробирает.

– А с аллергией что?

– Так вот я и говорю. Вчера значит, мы её так это хорошо опробовали, что сегодня встал, чувствую аллергия у меня во всём теле...

– На бетон?

– На бетон.

– А перегаром от вас, почему несёт

– Ну, так это я утром, когда понял, что аллергия, я первым делом лечится. Она же понимаете у нас здесь от всех болезней.

– Особенно от аллергии?

– От аллергии первое средство.

– Хорошо, сейчас я вам выпишу больничный. Подождите на улице.

Он вышел, а я взял лист бумаги и написал. «Бригадиру строй бригады. Работник обсолютно пьян, то есть, в самую зю-зю. Допуск к работе на ваше усмотрение. Доктор Ершов»

Дверь открылась, и в комнату вошёл большой рыжий петух – В след за ним заглянула женщина – Господи, худой то какой?

– Это, ваш? – Я показал на петуха.

– Не-а, ваш. Вы, это, в супчик его. Очень хороший будет. А то совсем вы худой. Вам кушать лучше надо. А то мы так без доктора останемся, а нам без вас никак нельзя.

Дверь закрылась и она исчезла. Во дворе замычала корова. Я вышел.

– Куда вы её?

– Так ведь вы сами сказали привести больную сюда.

– А что ж вы не сказали, что это корова?

– А какая разница?

– Что значит, какая разница? Ведите её к ветеринару.

– А у нас нет ветеринара. Посмотрите, а одна она у нас кормилица.

– Ладно, сейчас.

– Недоглядела я, дура. Ведро картофеля семенного, оставила во дворе. А она и наелась.

– Масло растительное давайте.

– А оно у вас там в корзинке. Несите. Так закупорка у неё. Хорошо. Что не в нижней части. А то бы без ветеринара не обойтись. Всё.

– Дай вам бог здоровья. А то нам тут без коровы ну никак нельзя. Я вам вечером молочка принесу свежего.

– Не надо, и корзину заберите.

– Ага, заберу.

Она взяла корову и ушла. Я вошёл в амбулаторию. На столе сидел петух, на полу стояла корзина. А в коридоре литр первача. Что ж начало положено.

–

Жизнь сельского врача, оказалась не такой романтической, как мне представлялась. Ездить приходилось в любую погоду и время суток. Рабочий день мой растянулся до двадцати

четырёх часов в сутки. Кругом была грязь и болезни. Процветал алкоголизм. Отравления некачественным алкоголем были самыми частыми обращениями ко мне. Я стал уставать, появилась апатия. Я всё чаще вспоминал спокойную работу в поликлинике. Когда отработав смену, я шёл в кино или в бар. Теперь же я мечтал только о том, что бы ночью меня не подняли и не потащили к чёрту на кулички. Жена написала мне, что встретила другого и остаётся работать в городе. Я стал выпивать. Стали появляться мысли бросить всё и вернуться в город. Единственным развлечением моим это были посиделки у Бубенцовых. Когда выпадало свободное время, я шёл к ним, и мы душевно проводили время. Говорили об искусстве, философии, Алла пела нам под гитару. У неё чудный голос, и я слушал её со слезами на глазах.

Потом я возвращался домой. Отпускал Наташу, медсестру, я просил её за небольшую плату протапливать дом к моему возвращению. Женщина она была молчаливая и послушная. Понимала меня с одного взгляда. Работу свою делала безукоризненно. Я был доволен её работой и никогда не думал о ней как о женщине. Я отпускал её и ложился спать.

А в тот вечер, вернувшись от Бубенцовых, я был словно во сне. Я не знаю, что это было. Толи усталость, толи спиртное на меня так подействовало. Может быть, отсутствие женщины в последние четыре месяца сказалось на мне. Но вер-

нувшись в тот вечер, домой, я стал смотреть на Наташу по-другому. Я впервые заметил её широкие бёдра и довольно большую округлую грудь. Она поняла меня, поняла, по-моему, взгляду. Я подошёл к ней и обнял её. В голову ударил запах, дурманящий запах женщины. Который я успел забыть за четыре месяца тяжёлого труда.

Наташа ушла рано утром. Я же встал, привёл себя в порядок, сказать, что бы я сожалел, о случившимся нет. Я об это даже не думал. Но с того вечера, жизнь моя стала похожа на дурной сон. Я полностью потерял интерес к окружающему. Работа стала тяготить меня. Больные раздражали. Я стал нетерпимым. Мог сорваться из-за пустяка. Я сделал Наташу любовницей и злился за это на неё. Она молча выносила мои оскорбления, и брала на себя большую часть работы нашей амбулатории. И вы знаете, если впоследствии, когда либо, мне было стыдно, так это за то, как я вёл себя с Наташей. Теперь страшно даже подумать, чем бы это всё могло закончиться.

Однажды утром, подходя к амбулатории, я вдруг посмотрел на засыпанную снегом крышу. Что-то не хорошее проползло у меня по спине. Огромная белая луна висела на сером небе прямо над крышей амбулатории. Я вспомнил доктора. И мне стало не по себе. Бежать – подумал я – не медленно с первым же поездом.

Вечером я объявил о своём решении Бубенцовым. Алла расстроилась, а муж её отнёсся к моему решению философски. Он давно уже замечал во мне перемену и боялся за меня. Я попросил Наташу не топить больше мне, и вернулся в холодный дом, ночью было холодно. Я не смог затопить печь и лёг так. Утром, я собрался и попросил Бубенцова отвести меня на станцию. Я попрощался с Аллой, и мы поехали.

Уже у самого поезда, к нам подбежал мужчина. Он просил помочь. Его десятилетний сын в пятнадцати километрах от нас очень плох. Температура за сорок. Мы сели в его машину заехали в амбулаторию, я взял всё необходимое и поехал к нему.

По всем признакам у него была пневмония. Я начал колоть ему антибиотики. Три дня борьбы с недугом. Три дня я просидел с мальчиком. Три дня я был в состоянии высочайшего напряжения. Эти три дня перевернули всё моё представление о жизни. Никогда до этого я не чувствовал ничего подобного. Я был нужен этому мальчику больше чем самому себе. И это давало мне стимул жить. Жить для того, что бы сражаться с невидимым мне врагом. И вы знаете, именно в эти три дня я родился как врач, вы меня понимаете? В эти три дня я осознал, зачем я надел белый халат. Я надел его, чтобы спасти жизни людей. Я как солдат на пере-

довой. Который должен стоять до последнего. И я поклялся, что не сниму халат, пока я жив. Простите за высокий слог, но для меня эти три дня стали точкой отсчёта моей врачебной практики.

На четвёртый день наступило улучшение. Меня сменила Наташа. Домой я вернулся с высокой температурой. По-видимому, ночь, проведённая в нетопленном доме, дала о себе знать. Неделю меня трясло. Я бредил. Временами я видел жену. Я бежал по заснеженному полю за уходящим поездом. Я падал и задыхался. Метель засыпала меня. Я пытался кричать, но изо рта выходил белый, беззвучный крик. Когда я пришёл в себя, рядом со мной сидела Наташа. Луч солнца падал на её каштановые волосы, она сидела рядом, и мне было хорошо. Может быть, в первый раз за несколько последних месяцев.

Я быстро поправлялся. Меня навещали Бубенцовы. Люди несли мне травы, молоко, мёд. Наташа то и дело передавала мне от них приветы и пожелания скорейшего выздоровления. Когда я совсем окреп. Ко-мне пришёл Бубенцов.

- Ну, я смотрю вы совсем молодцом. Когда думаете ехать?
- На днях.
- Что ж приду проводить.
- Приходите, и приносите список, что вам привести из го-

рода.

– Что?

– Да еду в город, нужны лекарства, хочу провести прививочную компанию. Болезни нужно предупреждать.

– Так значит, остаётесь?

– А вы думали, что избавились от меня? Я вам ещё надо-ем.

Да, я не уехал. Да и как я мог уехать. После всего, что со мной произошло. Работы здесь много, это правда. Тяжело. Не каждый выдержит. Но уж если устоит, то никакие трудности не будут ему страшны. Ведь, вы понимаете, это как прививка. Сначала может потемпературить. Зато потом, когда придёт настоящая болезнь, организм будет готов к встрече с ней.

Наташа, стала моей женой. Теперь мы вместе работаем и вместе бываем у Бубенцовых. Да, ещё в свободное время учу китайский. Нет, я не собираюсь в Китай. Просто это лучшая разгрузка для мозгов, после работы. А ещё я стал писать рассказы. Вернее так, не рассказы, а очерки о буднях сельского врача. Недостатка в историях здесь не ощущается. Ну, вот собственно пока на этом и всё. Будете в наших краях, заходите, спросите доктора Ершова, здесь меня все знают.

Знание жизни

Ей было двадцать пять, двадцать шесть у нее был красивый немного дерзкий взгляд. Она смотрела на меня вызывающе. Иногда смахивая, черные, волнистые волосы с лица.

– Да у меня есть парень, но это так ничего серьезного. Для меня главное саморазвитие карьера все остальное не имеет значения.

– А как же любовь? – спросил я.

– О нет, это пустая трата времени. Жизнь коротка, и нужно взять от нее по максимуму. Я должна многого добиться. Стать лидером. Быть всегда впереди. – Ну, а эта ваша любовь, сказка для неудачников – Она достала телефон – Да, буду через двадцать минут.

– Твой парень – Спросил я.

– Бой-френд.

– Как ты к нему относишься?

– Нормально, он дает мне то, что мне нужно, а я ему. Мы устраиваем друг друга. – Ее ответы обескураживали, ставили в тупик. Я смотрел на нее, и не знал с какой стороны к ней подойти. Она твердо знала, что ей нужно от жизни, она знала, как жить, с кем и когда. Ее уверенность, вселяла в меня растерянность. То, что для нее было ясным и понятным, у меня вызывало массу вопросов. Рядом с ней, я чувствовал

себя, отсталым существом.

– А как же дети – Спросил я.

– О нет, это не мое. У меня достаточно своих проблем. Зачем мне еще чужие проблемы. И вообще жить надо легче. Не загружать голову ненужным хламом. Расслабиться и быть в потоке. И тогда дядя все будет о кей.

– А потом когда ты станешь лидером. Поднимешься по карьерной лестнице. Что будет потом?

– Потом у меня будет хороший дом. Хорошая машина. Преуспевающий муж. Собака. Положение в обществе.

• И все?

• А что же еще?

• Я не смог ответить на ее вопрос. Я не знал. Что же нужно еще для ее счастья. Я слушал и не понимал, кто и когда вложил ей в голову эту конструкцию? Как она собирается совместить ее с реальной жизнью, и что будет, когда эти планы начнут рушиться под натиском жизненных проблем? На что, или на кого она будет опираться. На бой-френда? Он отвалит от нее при первых же сотрясениях. На уверенность, в непогрешимость своих идей? Она растает, как только наткнется на непреодолимое препятствие, именуемое жизнью. С чем она останется тогда? Она допила свой кофе взяла сумку, и встала. Красивая, и длинноногая, как модель, в короткой и обтягивающей юбке, она была неотразима.

• Ладно, дядя. Жизнь не ждет пока. – Она прошла между столиков, привлекая к себе внимания мужчин. Да пожалуй,

какое то время у нее будут шансы на воплощение своих идей,
но как долго это продлится, и что ее ждет потом?

Колокол

«Господь Иисус Христос, безначального Отца едиnorodный сын! Ты сам сказал, когда пребывал среди людей на земле, что „без меня не можете делать ничего“. Да, мой Господь, я верю всем сердцем и всей душой в то, что ты сказал и прошу у тебя благословения на мое дело. Даруй мне его без помех начать и благополучно завершить во славу твою. Аминь!»

Крепкие ладони обхватили канат, низ живота напрягся, легкие как огромные меха выдули горячий воздух и веревка пошла в низ. Огромный тяжелый колокол медленно сдвинулся с места и, отклоняясь в сторону начал свой путь. Скрепя и покачиваясь из стороны в сторону, он молчал. Он был похож на огромную птицу сложившую крылья. Ладони ходили то вверх, то вниз, дыхание учащалось, мысли смешиваясь с молитвами, и приходили в движение. Перед глазами проплывали лица родных, и близких. Всех тех, с кем ему приходилось встречаться на жизненных перепутьях.

Господи помоги им понять друг друга. Дай им силы разобраться во всем и освободи их сердца от всякой скверны и не навести. Прости им грехи их, ибо не ведают что творят. Помоги им обрести мир и покой в душе. А мне позволь просить за них, так как нет для меня большей заботы, как служить тебе и просить за них.

Колокол вздрогнул, и первый осторожный гул прокатился под крышей звонницы спугнув голубей.

Прости меня за малодушие мое, ибо нет прощения за грех мой перед рабой твоей Александрой. Брошенной мною на погибель в малодушии моем. О себе думал о благополучии своем дрожал от того и позволил ей совершить грех сей и нет прощения мне и жить с грехом таким сил больше нет. Прости ты ее, я один во всем виноват. А она глупая была совсем девчонка, что с нее взять. Прости ты ее.

Колокол ударил еще раз, а потом еще. Воздух наполнился первыми звуками. Заставляя прохожих поднимать головы и смотреть на колокольню, освещенную ярким солнечным светом.

Знаю я, что не стою прощения, но больно мне вот здесь ежеминутно ежечасно и как мне быть с собою не знаю. Ибо нет примирения в душе моей, и не будет мне покоя с грехом таким. И сил моих больше нет жить с этим.

Руки с трудом уходили вниз, и стремительно взлетали к небу. Как две птицы растворяясь в голубой синеве. Ноги отрывались от пола, и вот он уже весь парил над землей, и собравшимися внизу людьми.

Да ей бог мира и покоя на небесах. Попроси у нее прощения за меня, не могу так больше, нет сил моих. Прости меня Господи.

Веревка выскользнула, обожгла ладони и устремилась вверх. Звук колокола стал един. И парил уже над всей окру-

гой, глубоким насыщенным звоном. Смешиваясь с переливами маленьких колоколов. Люди останавливались и слушали чистый глубокий звон, наполненный все объемлющий любовью. Проникающей в душу каждого слышавшего этот звон. И дарующий ему, надежду на спасение. Наполняя сердце безграничной любовью.

К нему поднялись, когда все стихло. Он лежал с обожженными ладонями. С умиротворенным лицом, и тихой блаженной улыбкой.

Пожар

Красные языки пламени вырывались из окон со звоном ломая стекла. Трещало дерево, рушились перекрытия, погребая под собой всех, кто не успел выскочить на улицу. Черный едкий дым душил все живое до того как до них добрался огонь. Охватывая все на своем пути, он плясал разноцветными лоскутами, разрастаясь все больше и больше пока не добрался до старика. Огонь охватывал рубаху волосы бороду и вот он уже весь был в огне. Нет, он не чувствовал боли. Но ужас от происходящего с ним будил его. Он вскакивал со сплпшимися от пота волосами, и долго сидел на кровати, уставившись во тьму. За стеной чувствуя его беспокойство, просыпались другие больные. Они плакали, кричали, ходили по комнате и только старик молча сидел без движения и смотрел куда то в темноту. Потом входила нянечка. Она подходила к нему, нашептывая, как нашептывают маленькому ребенку.— «Ну что случилось? Опять пожар вот мы его» — И она набирала в ладонь воду и обрызгивала старика.— «Ну, вот и нет больше огня. И теперь мы ляжем, и будем спать и нам присниться хороший красивый сон» Старик успокаивался и засыпал.

Утром, съев кашу допив чай и спрятав кусок хлеба в карман, Он шел в палату, садился на стул, и разглядывал узор на стене, пока солнечный луч не касался его лица. Тогда он

улыбался, закрывая глаза. И по всем его морщинкам пробежал теплый солнечный свет. В эти минуты он был счастлив. Как бывают, счастливы блаженные. Перед ужином он гулял. Он подходил к деревьям и подолгу смотрел на растрескавшуюся кору. Поднимал опавшую листву, подносил ее к большому похожему на старый пористый гриб носу и с наслаждением втягивал в себя запах желтой листвы. Ближе к вечеру он становился беспокойным. Он ходил по палате, ощупывая себя, и как бы стряхивая с себя что то. Он подолгу умывался, тщательно намыливая себе лицо, и смывая его снова, и снова. Он стоял посреди палаты и с беспокойством смотрел на расстеленную кровать. И только когда нянечка ставила возле кровати стакан с водой, и брала его за руку, он успокаивался и ложился в постель. Она гасила свет, и он лежал глядя в пустоту густой обволакивающей его темноты. Пока перед ним не появлялся старый дом на окраине села. Он стоял и смотрел на него. Вдруг что то черное поползло из щелей дома и стало подниматься вверх. Потом раздался треск и в окнах показались первые языки пламени. Потом треск и звон раскаленного стекла смешался с криками горящих там людей. А он стоял и смотрел, не шевелясь скованный животным страхом. Страхом, который способен оправдать любой наш поступок ради сохранения собственной жизни. Страхом, который расползается по всему телу, связывая его желанием выжить любой ценой. Страх заставляет нас прятаться от собственной совести и доказывать себе, что по-дру-

гому было нельзя. Так и он стоял, не двигаясь, пока не смолкли последние крики, и слышно было только треск догорающего дома. Только тогда он вышел из оцепенения, и рухнул на желтую листву, провалившись в темноту. Его нашли утром. Он сидел, уставившись на обгорелые бревна, покачиваясь и ощупывая землю как будто что то потерял. Его отвезли в больницу.

Через месяц в больнице случился пожар. Спасатели эвакуировали всех. Сгорел только старик.

Черная кровь

Ей было лет двадцать пять. У нее не было передних зубов и от того многие буквы она теряла когда говорила. Волосы были спутаны. Из-под, длинных рукавов. Выглядывали по-черневшие, покрытые маленькими язвами, руки. Единственное что в ней осталось не тронутым, это глаза. Они были по-прежнему чисты и лучисты только со странным блеском, лихорадочно проскакивающим в теплых, карих зрачках. Она заметила, что я смотрю на руки и одернула рукава.

– У тебя есть рубль? – Я полез в карман.

– Вот пять. – Она взяла их и скрылась за дверью магазина.

Через минуту она вышла.

– Вот возьми. – Она протянула мне четыре рубля. – Здесь можно купить сигареты поштучно. Будешь? – Я отказался. Она спрятала сигареты в карман.

• Давно? – Я кивнул на ее руки. Она посмотрела мне в глаза, улыбнулась.

• -А ты что тоже? Да? – Я покачал головой – А тебе куда?

• Никуда.

• Побудешь со мной? – Я кивнул. Мы сели на скамейку напротив небольшого фонтана. У ног подбирая крошки ходили голуби. Она запела тихим грудным голосом. Так как обычно поют колыбельную.

• Гули, гули, голубу ли

- Вы летите мои гули
- Вы садитесь на окно
- У меня для вас зерно.

• Обожаю этих птиц. А кошек не люблю. Однажды кошка напала на голубя. Она схватила его за горло. Я отбила его. У него вот здесь на шее хлестала кровь Черного цвета понимаешь? Черная кровь. Я зажала рану рукой, но она продолжала течь и тогда когда он затих. Понимаешь?

- Так бывает это жизнь.

• Да. А знаешь, у меня всегда дома жили птицы. Канарейки, Попугаи. Даже Утка. Я ее подобрала зимой. У нее лапки примерзли ко льду. Я отогрела, выходила, а весной выпустила в парке.

- А сейчас?

- А сейчас у меня даже дома нет.

- А где ты живешь?

- Когда как. Сейчас у знакомого.

- Он тоже на дряне?

- Да. Он хороший. Он мне помогает.

- Достает дурь?

- Да.

- А сигареты для него?

• Да. Это малое что я могу сделать для него. Хочешь и тебе дам сигарету ты тоже хороший.

- А почему ты решила, что я хороший?

- У тебя глаза добрые.

• Нет, спасибо. Давай я лучше тебя мороженном угощу.
Я принес ей мороженное. Она обрадовалась как ребенок.

– Знаешь, я так давно не ела мороженное – Она ела его не спеша, стараясь не упустить ничего ни вкус мороженного, ни журчание воды в фонтане ни голубей, ни солнечных лучей падающих сквозь зеленую листву на ее старые джинсы.

– А ты не пробовала завязать с наркотой?

– А зачем? Нет, я могу бросить в любое время как захочу.

Но зачем?

• Ну не знаю. Может быть, твоя жизнь стала бы другой. Ты бы снова держала бы птиц. Встретила бы близкого тебе человека.

• А ты – Она посмотрела на меня с лукавой улыбкой.– А ты мог бы стать мне близким человеком. – Я не ожидал такого поворота. – Кто знает – Сказал я – Все может быть.

• Ну, тогда я завяжу, обещаю.– Из подворотни вышли двое парней. – Это он я сейчас – И она исчезла вместе с ними под каменной аркой. Потом парни вышли. И скрылись в подъезде дома. Я долго ждал ее. Почувствовав не ладное, я пошел за ней. Она сидела, прислонившись к стене. С остановившимся взглядом. А рядом с исколотой рукой валялся шприц с чем то черным. Черная кровь вспомнил я, Черная кровь.

Судьба

Всклоченные переплетенные между собой волосы торчали в разные стороны как кустарник, занесенный снегом. Сразу под ними на изрезанном морщинами лице блестели маленькие живые глаза. Пожалуй, это единственное, что было не тронуте временем. По всему же остальному время прокатилось тяжелой колесницей. Оставляя за собой глубокие следы. По которым читалась нелегкая история ее жизни.

Я тогда была совсем девчонка. Губы, которые было, нельзя отличить от морщин задвигались, открывая небольшой беззубый рот. Или как сейчас модно говорить пацанка. Я тогда работала на фабрике. А после работы мы пошли в клуб. Там должны были выступать поэты. Читать свои стихи. А клуб для нас тогда был как для вас сейчас эти компьютеры. Вот сидим мы с девчонками слушаем. И выходит он... И по залу шепот прошел Есенин. Он вышел молодой красивый стал шутить с девчонками. А потом голову вскинул и стал читать. И так это было пронзительно. Каждое слово вот так вот. ... Все внутри переворачивало. Мы потом с девчонками все его стихи наизусть учили. «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег»

А потом я Николая встретила. Мужа своего. На перво-май это было, он подошел ко мне. Мы тогда в колонны собирались от фабрики. Подошел ко мне и говорит:

– А чья это ты будешь такая?

– А я ему

– Я фабричная.

– А он мне.

– Ну, значит, моей будешь. – И обнял. Так мы с ним в обнимку и прошли. Потом расписались. Я ему мальчишку родила. А через год его забрали. Многих тогда забирали. Ночью. Приехали и увезли, больше я его не видела. Она остановилась. Глаза как два озера наполнились водой. Рот пропал среди морщин. Нос всхлипнул, и по щеке прокатилась маленькая чистая капля. Она смахнула ее ладонью. А потом война началась мы с Борей, сынок мой, На восток шли с беженцами. Немец нас нагнал и побил всех. А мы с Борей всю ночь в канаве пролежали под дождем. Боря там и простыл. Шли лесами голодные, холодные не выдержал, он заболел. Там я его и схоронила. Под сосенкой чистой такой светлой. Она замолчала, и долго смотрела куда-то вдаль. Губы ее поджались и от этого морщины превратились в тонкие штрихи, какие оставляет карандаш на белом листе бумаги.

А когда я к нашим попала, меня в лагерь отправили. Я без документов была ну не совсем в лагерь на поселение. Было там производство небольшое мы там и трудились. Трудились за пайку. А заправлял там один. Сука. Он за лишнюю пайку к себе в постель девчонок таскал. А кто отказывался, он пайку урезал. А если совсем в отказ просто насилывал. Так однажды и до меня очередь дошла. Просто вошел в барак

фуфайку свою, вонючую, на голову мне набросил и... Она замолчала. Ее маленькие сухие ладони дрожали, поглаживая колени. Бабоньки потом эту суку подпоили и в карьер столкнули. Следовательно так и записал. Несчастный случай. Через семь месяцев у меня был выкидыш. Я попала в больницу, а там Галина Николаевна врач мой выхлопотала, чтоб меня оставили при больнице там я, и проработала до конца войны. А детей я с тех пор иметь не могу. Потому и замуж не вышла. Мужиков то всех побило, а баб много кому нужна та, что рожать не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.